

А. В. ШУБИН

Застой или процветание?

<Фрагменты>

Что представляло из себя общество 70-х гг.? По одной версии — собрание всех социальных болезней, которые только можно придумать. По другой — эпоху процветания, о которой теперь можно только мечтать. Каждая из этих версий — миф. А каждый миф — это часть правды. СССР в 70-е гг. действительно достиг значительных успехов в обеспечении нужд населения. Но чтобы оценить эти успехи, нужно сравнивать их не с ведущими обществами того времени (США и Западная Европа), а с Третьим миром. Как сказал в начале 80-х гг. турист, возвратившийся из Индии, «за социализм меня больше агитировать не надо — слишком много нищих я увидел за рубежом». Увы, либеральная интеллигенция, возмечтавшая о западных ценностях (прежде всего материальных), забывала, что от «реального социализма» возможно движение не только к западной зоне процветания, но и в Третий мир.

Правда и то, что в 70-е гг. в СССР нарастали кризисы, что Перестройка началась не на пустом месте. Однако слово «кризис» само по себе нельзя признать достаточной характеристикой. Требуется дополнение — кризис чего?

Динамичный «застой»

Сторонники взгляда на эпоху Брежнева как на «золотой век», приводят цепь достижений: статистика роста, построенные заводы, гениальные фильмы и другие непревзойденные до сих пор достижения.

Обличители «застоя» отвечают перечнем хорошо известных, можно сказать хрестоматийных фактов: низкое качество продукции, провалы снабжения населения, дефицит, разрушительные экологические последствия хозяйственной деятельности.

<...>

Экономический рост в СССР продолжался в период «застоя», хотя темпы его были ниже, чем в официальной статистике. Но даже критики признают, что он составлял 2–4% *, что по западным стандартам вообще нормально.

Суть понятия «застой» — не в прекращении развития. Это было общество со стабильной структурой. Чтобы уйти от эмоциональных оценок, можно назвать этот период «равновесием» или «стабильностью». Производство росло, благосостояние повышалось (правда, рост благосостояния переставал поспевать за ростом потребностей), но общество оставалось таким же, как и десять лет назад. Перемены были настолько медленны, что еле заметны глазу.

Централизованное индустриальное общество

Что за общество существовало в СССР? Оно называло себя «реальным социализмом». Но социализм по утверждению авторов социалистических теорий в XIX в. (и Маркса, и Прудона, и народников) и официальных коммунистических доктрин — это общество без эксплуататорских классов, без угнетения одних людей другими. Однако уже в 70-е гг. на интеллигентских кухнях и в заводских курилках втихомолку обсуждалось страшная государственная тайна — в СССР есть и эксплуатация, и угнетение человека человеком, и бюрократы представляют собой настоящий эксплуататорский класс. А уж сегодня и вовсе наивно считать, что в СССР построили то, о чем Маркс писал как о первой стадии коммунизма. Советское общество не было социалистическим. В 70 — е гг. это «откровение» вызывало разочарование в идеалах, в наше время, когда идеалы те скомпрометированы, можно взглянуть на этот вопрос спокойнее: СССР не был раем на земле, но не был он и адом. Здесь не было социализма, но было социальное государство¹.

Никакой критики не выдерживают также идеологические схемы, по которым СССР 70-х гг. представлял из себя тоталитарную систему, где почти все люди действовали по команде сверху, мыслили в соответствии с идеологическими заклинаниями партии и при этом все время боялись репрессий КГБ. Такую картину можно увидеть в западных фильмах о советской жизни и в современной телевизионной псевдодокументалистике, но в реальности советское общество было живым, чрезвычайно многообразным, «разноцвет-

* After Brezhnev: Sources of Soviet Conduct in the 1980s. Bloomington. Indiana. 1983. P. 69; The Future of the Soviet Economy: 1978–1985. Boulder, 1978. P. 9.

ным», и населена эта страна была обычными людьми со своими нуждами и взглядами. Кто — то, конечно, верил в официальные идеалы просто как Джордж Буш младший, но и скептиков среди нас, советских людей, было не меньше.

Может быть, СССР представлял собой средневековое общество? Ну не выбилась Россия «в люди». Осталась в каком — то «азиатском способе производства». Такой взгляд характерен для людей, которые путают признаки современности с образом жизни стран Запада. Если есть в стране биржа, многопартийность и эротика по телевизору — значит современность на дворе. Если нет — глухая архаика.

Между тем современность отличается от архаики куда более глубинными, сущностными признаками. *Переход к современности, модернизация² — это возникновение и утверждение индустриального общества, которое характеризуется узкой специализацией и стандартизацией. Они лежат в основе промышленного производства, преобладающего в экономике, бюрократического управления, преобладающего в политике, городского образа жизни и рационального по своей форме мышления, преобладающего в культуре. Переход к индустриальному, урбанизированному обществу завершился в СССР в 60-е гг.*

Достижения индустриального общества позволяют создать систему социального государства — перераспределения ресурсов в пользу уязвимых социальных слоев, позволяющую поддерживать социальные гарантии. В основе этой фазы индустриального развития на Западе лежит государственное регулирование рыночной экономики. В СССР также возникло социальное государство, достижения которого иногда отождествляют с социализмом.

<...>

Своеобразие советской социально — экономической модели можно коротко охарактеризовать как централизованное индустриальное общество, имея в виду, что централизация управления в нем была максимальной среди других индустриальных обществ.

<...>

Во второй половине XX в. динамика и проблемы советской системы во все большей степени определялись *противоречием между индустриальным централизмом, вертикальными управленческими связями, и растущей автономизацией, развитием горизонтальных, равноправных связей.* Но чтобы «вызреть», это противоречие должно было десятилетиями развиваться подспудно.

Экономика согласований

В модели централизованного индустриального общества, стремившейся к максимальной рациональности, предприятия создавались как цеха единого государственного мегакорпорации — предприятия. Это вело к технически обусловленному монополизму, где конкуренция не предполагалась в принципе — не могут же конкурировать между собой цеха одной фабрики — разве что соревноваться. Следовательно, ограничение использования товарно — денежных отношений в такой системе было predetermined самой структурой народного хозяйства. Ведь монополист может назначить цену произвольно. Чтобы избежать гиперинфляции в такой системе, цены должны быть фиксированы, «конституированы». Только такие фиксированные цены, изменяемые решениями власти, могли обеспечить нормальные, устойчивые связи между «цехами» мегакорпорации СССР, доступ граждан к привычным продуктам и услугам. Однако в силу фиксированности цен деньги не могли играть роль универсального эквивалента обмена и распределения.

Индустриальное общество основано на стандартах, так что фиксация денежных показателей и количественное распределение обычных (предполагалось — стандартных) ресурсов не мешали модернизации на этапе становления индустриализма. Но в развитом индустриальном, урбанизированном обществе все большее значение приобретают качественные показатели. Если рабочие 30-х гг. должны были быть одеты, обуты и накормлены, то новое поколение хотело одеваться модно и питаться вкусно. Стандартизированная денежная система и плановые натуральные показатели затрудняли учет качественных параметров. Государственная плановая экономика была рассчитана на производство либо массы стандартной (причем, плохо стандартизированной) продукции, либо уникальных образцов сложной высококачественной техники. В итоге часть потребностей оказывались неудовлетворенной, продукция делилась на обычную, более доступную, и дефицитную. *Дефицит стал натуральной «валютой», которая позволяла уравнивать интересы в условиях отсутствия универсального денежного эквивалента.* Если проводить аналог этого обмена с рыночным — то со средневековым рынком, где одновременно действовали разные «валюты» и бартер. Значит ли это, что речь идет об откате в прошлое? Не обязательно — ведь от нынешнего рынка качественно отличается не только обмен прошлого, но, вероятно, и обмен будущего. По принципу «отрицания отрицания» будущее, отрицая настоящее, имеет сходство с прошлым.

<...>

Дефицит принял такие масштабы из — за того, что продукция, предназначенная для продажи по относительно низким ценам или для распределения по запланированным нормам, на деле распространялась по теневым каналам. То, что нельзя было купить, можно было достать. Важно было подключиться к соответствующей сети личных контактов.

Советская экономика представляла собой систему со множеством сегментов, где распределение и обмен происходили одновременно на нескольких уровнях:

1. Распределение натуральных ресурсов по плану, который сам был плодом согласований между заинтересованными сторонами.

2. Обмен натуральными ресурсами между смежниками, когда каждое предприятие было заинтересовано в том, чтобы получаемый продукт соответствовал стандартам качества, но не было склонно обеспечивать высокое качество собственной продукции. Чем проще был стандарт, тем лучше работала такая система, чем сложнее продукт — тем больше было сбоев. В финале этой цепочки оказывался рядовой потребитель, который становился все более привередливым к качеству продукта.

3. Обмен дефицитными, высококачественными продуктами, которые покупались по государственным ценам, чем обеспечивалась законность обмена. Однако реальная ценность продукта определялась не его государственной ценой, а редкостью, дефицитностью. Соответственно, такие продукты редко доходили до обычного прилавка, распространяясь по закрытым каналам личных связей и затем — выполняя роль дополнительной «валюты» в системе согласовательной экономики. Однако слово «валюта» мы ставим в кавычки, потому что в отличие от рыночной валюты параметры «дефицита» были не количественными, а качественными.

4. Теневой денежный обмен (коррупция) также наличествовал, но был ограничен возможностями легально использовать в личных целях большие денежные средства. Этим объясняется, что при широких возможностях коррупции в СССР, ее реальные масштабы были значительно меньшими, чем в РФ. Ведь коррумпированный чиновник брежневских времен не мог купить себе особняк в Лондоне и нефтяное месторождение.

Чтобы уравновесить все эти уровни, проводилось бесчисленное количество переговоров — официальных совещаний и негласных согласований.

Это была своего рода сетевая структура, но с несовершенным, медленным движением информации. Горизонтальные связи в советском обществе не были легализованы, развивались в тени, не составляя единого поля.

<...>

Основное правило игры в системе советской экономики: расплатиться обычным продуктом, а получить дефицитный ресурс — обменять количество на качество. Для обычного человека это был продукт или услуги, а для представителя правящего класса — властный ресурс. Главной ценностью для чиновников были не деньги, и даже не дефицит, который играл скорее роль «доплаты», а положение в карьерной иерархии. Это положение гарантировало человеку и доступ к дефициту, и широкие возможности самореализации. До 70-х гг. карьерный рост хозяйственника обеспечивался прежде всего освоением натуральных ресурсов, успешной реализацией крупных проектов. А это требовало выгодных плановых решений, предоставления наибольших натуральных ресурсов. Таким образом, планомерно — административная система стимулировала индустриальный рост в связке с карьерным стимулом, а экономика согласований обеспечивала стабилизацию экономических пропорций с помощью многочисленных взаимных уступок и дополнительного обмена услугами и дефицитными продуктами.

Сфера легализованных рыночных отношений в СССР тоже существовала, но была ограничена и отделена от государственного кармана. Продовольственный колхозный рынок действовал легально под жестким государственным контролем. «Органы» следили за тем, чтобы не возникало спекуляции (перекупки товаров, ведущей к росту цен и накоплению непроизводственной прибыли). При этом государство допускало на сельском рынке более высокие цены, чем в государственных магазинах.

Существовал и теневой рынок промышленной продукции. Частные промышленные предприятия (как правило, мануфактурного типа) действовали в подполье, так как их деятельность была по определению преступной — ведь все сырье было государственным, и получение ресурсов хозяевами нелегальных цехов (цеховиками) предполагало кражу его у государства. Цеховики не могли апеллировать к правоохранительным органам, и поэтому над ними стала надстраиваться криминальная «крыша».

Паразитируя на государственном и индивидуальном хозяйстве, криминальный капитал (симбиоз мафии, теневого бизнеса и коррумпированных чиновников), этот второй после бюрократии эксплуататорский слой СССР, стремился ставить чиновников под свой контроль с помощью взяток. Влиятельные чиновники могли и сами «крышевать» теневое распределение, особенно в торговле.

<...>

В 70-е гг. для централизованного индустриального общества небольшая прививка теневых структур была даже полезна, ибо

они заполняли прорехи дефицита товаров широкого потребления. Но «черный рынок» становился дополнительным фактором, усиливавшим дефицит продуктов и сырья. Стоило выпустить частный капитал в открытое плавание — и он получал идеальные возможности для паразитизма на формальной дешевизне ресурсов.

<...>

Затухающий стимул

То обстоятельство, что вязкость экономики согласований не привела к остановке экономического роста, доказывает, что в СССР сохранялись стимулы роста производства. Денежная прибыль была таким стимулом в наименьшей степени. Она хоть и учитывалась в плановых показателях с 1965 г., но минимально сказывалась на жизни хозяйственников и работников. Основные стимулы были другими. Наиболее очевидно было давление высшего руководства страны, выраженное в так называемой плановости. «Планы партии» определялись прежде всего с учетом двух задач — обеспечение внешнеполитической безопасности и поддержание социальной стабильности. Для этого требовалось определенное количество продукции, производство которой предусматривалось планами. Плановые задания представляли собой некоторый минимум, который следовало произвести, и их перевыполнение приветствовалось. Таким образом, плановое хозяйство препятствовало планомерности развития экономики прежде всего в распределении ресурсов, так как нарушение планов поощрялось. <...> Механизм «планирования» был основан на распределении стандартных ресурсов и количественном контроле над их потоками. Если производственные показатели были ниже плановых, это могло повлечь санкции в отношении руководителей. Однако планы позволяли осуществлять только количественный контроль, и предприятия быстро подстраивались под показатели, повышение которых предусматривалось планом. Если контролировалось количество единиц продукции, предприятия обращали меньше внимания на качество. Если контролировался вес — предпочтение отдавалось производству массивной продукции. Если речь шла о реализации продукции в рублях — вымывался дешевый ассортимент.

Анализируя читательскую почту весной 1979 г., заместитель главного редактора «Литературной газеты» В. Сырокомский писал: *«Промышленности, — говорится в письмах, — не выгодно выпускать дешевую продукцию, поэтому она исчезла с прилавков магазинов»**.

* РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 189.

<...>

На более ранних стадиях развития индустриального общества, недостатки планирования были терпимы, так как необходимое качество описывалось меньшим количеством показателей. Но по мере развития индустриальной цивилизации стандартизация уже не могла обеспечить потребности как рядовых людей, так и военного ведомства. Но если с потребностями людей в красивой и разнообразной одежде можно было бороться, обличая «стиляг», то необходимость производства уникальной аппаратуры для высокоточного оружия определялась угрозами, которые лежали вне сферы подчинения кремлевского руководства. Впрочем, и битву за моду КПСС проиграла — в 60–70-е гг. жители СССР стали одеваться все менее «строго», что приводило к катастрофическому превышению личных потребностей над возможностями плановой экономики.

Е. Гайдар видит признаки кризиса советской экономики второй половины XX века в том, что «падает уровень плановой дисциплины»*. Но это свидетельствовало прежде всего о росте гибкости системы, а значит — ее устойчивости. Е. Гайдар утверждает: «Если из экономической системы, в основе которой страх перед режимом, вынуть стержень, она начинает барахлить»**. Логика, выдающая близость крайнего экономического либерализма и сталинистского взгляда на экономику. Получается, что в 30-е гг. советская экономика не барахлила, работала как часы, а вот со второй половины 50-х гг. — забарахлила. И, «барахля», обеспечила значительный рост уровня жизни советских людей, начало освоения космоса, техническую модернизацию, беспрецедентную программу жилищного строительства и т. д. Если бы российская экономика так же «барахлила» в 90 — е гг., к Гайдару и другим либеральным реформаторам у населения было бы гораздо меньше претензий.

Причины кризиса советской экономики крылись не в тоталитарном характере системы, работавшей «без страха, но с упреком», а в общей динамике индустриального общества. К 60-м годам советское общество осуществило индустриальную модернизацию и двинулось дальше. А ведь вся структура централизованного индустриализма была первоначально рассчитана на проведение модернизации.

<...>

* Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 142.

** Там же. С. 143.

Купить и достать

Постепенный рост благосостояния должен был снять возможные напряжения между элитой и остальным населением. Среднемесячная зарплата в 1980–1985 гг. выросла с 168,9 до 190,1 рубля в месяц, а зарплата рабочих — со 182,5 до 208,5 рублей*. Доход от подсобного хозяйства составил в 1980 г. 7% от общего дохода населения, в том числе у колхозников — 27,5% **, а в реальности возможно и больше. С добавлением различных выплат и льгот среднемесячная зарплата в народном хозяйстве возросла с 233 до 269 рублей***. Уровень жизни населения можно замерить и иначе. Важный показатель, характеризующий качество жизни — количество родившихся и умерших на 1000 человек. В 1975 г. рождаемость составила 15,7, а смертность — 9,8. В 1985 г. рождаемость продолжала расти и составила 16,6, а смертность — 11,3****. В 2005 г. рождаемость составила всего 10,2, а смертность — целых 16,1*****. По этим показателям (как и по многим другим) Российской Федерации далеко до СССР.

Разумеется, существовало и социальное расслоение. В 1980 г. СССР 25,8% населения получали без учета льгот доход ниже 75 рублей, а 18,3% — выше 150 рублей (в РСФСР уровень жизни был выше среднесоюзных показателей на 4,9–5,2%)6*. Таким образом, средние имущественные слои количественно преобладали, что характерно для развитого индустриального общества с социальным государством.

При этом цены не стояли на месте, хотя по нынешним меркам их рост был еле заметным. Так, в 1968–1973 гг. кило мяса и птицы выросло в цене в среднем с 1,622 до 1,673 рубля, то есть на 5,1 копейки. По копейке в год. Колбасные изделия — с 2,134 до 2,255 — то есть на 12,1 копейки. Рыба — на 4,6 копейки, сыр — на 8. Метр хлопчатобумажной ткани подорожал на 2 копейки. Быстрее дорожали шерстяные ткани (на 1,69 рублей за метр), кожаная обувь (на 1,12 рубля за пару). Но и это — за пять лет. Телевизоры и телерадиолы выросли в цене с 286,72 рублей до 316,48 рублей, то есть на 29,76 рублей, холодильники с 208,26 до 235,27, то есть

* Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 36.

** Там же. С. 112.

*** Там же. С. 46.

**** Российский статистический ежегодник. М., 1994. С. 43.

***** Россия в цифрах. 2006. М., 2006. С. 75.

6* Там же. С. 115.

на 27,01 рублей*. Можно вспомнить, что эти товары были дефицитными. Но ведь у большинства советских людей к началу 80-х гг. был и телевизор, и холодильник.

Этот уровень цен был отражением собственных возможностей советской экономики, такую стабильность нельзя объяснить ростом цен на нефть. Система сохраняла собственный запас прочности, а вот нефтяной допинг сопровождался некоторым ускорением инфляции. В 1980–1985 гг. цены на мясо выросли на 5%, на колбасные изделия — на 13%, на рыбу — на 2%, на сыр и брынзу — более чем на 3%, на фрукты и бахчевые культуры — более чем на 21%. В то же время цены на животное масло, яйца, сахар, крупу не изменились**. Инфляционным фактором стала реформа планирования 1979 г., которая стимулировала вымывание дешевого ассортимента***.

В то время как цены на хлопчатобумажные ткани выросли почти на 30%, цены на шерстяные ткани упали почти на 5%. Если цены на радиоприемники возросли на 5%, то на цветные телевизоры упали на 9%. Средний индекс инфляции в 1980–1985 гг., рассчитанный по 37 показателям, составил 6% **** — чуть более процента в год. Таким образом, с учетом инфляции, доходы населения в 1980–1985 гг. выросли на 5%. Однако рост доходов усиливал дефицит. Хозяйственные ведомства и предприятия предпочитали ответить на рост спроса «по рыночному» — повысив цены (а не напрягаясь на рост производства дефицитной продукции). Помощник Генерального секретаря В. Голиков писал Л. Брежневу в декабре 1974 г.: «Время от времени вопрос о повышении цен приобретает особо высокий накал. Как раз сейчас, когда верстается план 1975 г. и готовится план новой пятилетки, борьба за повышение цен приобрела особенно высокий накал.

Сошлюсь лишь на такие факты. Совет Министров СССР внес в Политбюро предложения о значительном увеличении розничных цен на все виды вин, в том числе и на плодово — ягодные (как их в народе называют, “гнилушка”), повышении тарифа на такси, а также стоимости проездных билетов в авиации. Есть сведения, что готовятся проекты об увеличении розничных цен на бензин

* Л. И. Брежнев. 1964–1982. Вестник Архива Президента. Специальное издание. М., 2006. С. 177.

** РГАНИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 213. Л. 31.

*** Подробнее см.: Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001. С. 120–121.

**** Подсчеты по: Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 168–170.

(примерно в 2 раза), на некоторые сорта водки и все виды бальзама (тоже в 2 раза). Вынашиваются и многие другие проекты»*.

По мнению В. Голикова, *«Всякого рода комбинации с ценами выгодны лишь Госплану, Минфину, а точнее — их руководителям, которые стремятся свою бесхозяйственность, неумение руководить экономикой закрыть “добычей” одного или двух миллиардов рублей за счет повышения цен. У кого они взяли этот миллиард? Они взяли его у собственного государства, у собственного народа»*. Последняя фраза понравилась Брежневу, он подчеркнул ее, также как и другую: *«Да, снижение цен — это здоровый путь, а повышение цен — это свидетельство нездоровья нашего хозяйственного организма»***. Голиков настаивал: *«Повышение цен, наоборот, тормозит, сдерживает совершенствование производства, научно — технический прогресс»****.

Руководство страны продолжало «держат цены», планы их резкого повышения, о которых предупреждал Брежнев Голиков, тогда не осуществились. Но на потребительский рынок продолжал давить неудовлетворенный спрос.

Е. Гайдар утверждает, что *«уже с середины 60-х годов на большей части территории страны мясо исчезает из свободной продажи»*. И тут же, не замечая противоречия с предыдущей фразой, продолжает: *«Купить его с этого времени можно лишь в кооперативной торговле или на колхозном рынке по значительно более высокой, чем государственная, цене»*****. То есть — в свободной продаже. Е. Гайдар в 90-е гг. вводил систему, где вовсе нет государственных цен, а свободные цены взвинчиваются в десятки раз (в отличие от цен советских рынков, которые были в полтора-два раза выше фиксированных государственных). Рыночный сектор индивидуальных сельских хозяйств существовал параллельно с государственно — колхозной системой и был довольно развит. Индивидуальные приусадебные хозяйства, которые занимали всего 2,8% посевных площадей, давали в 1979 г. 59% картофеля, 31% овощей, 30% молока, 29% мяса и 33% яиц*****. В СССР существовало два вида цен — более высокие рыночные (аналог нынешних цен, которые посмеиваются над зарплатами большинства трудящихся)

* Л. И. Брежнев. С. 174.

** Там же.

*** Там же. С. 176.

**** Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 159.

***** РГАНИ. Ф. 5. Оп. 77. Д. 396. Л. 207–208; Шубкин В. Бюрократия. Точка зрения социолога // Уроки горькие, но необходимые. М., 1988. С. 123.

и государственные, по которым мясо и другие дефицитные продукты можно было купить не всегда и не везде.

Чем был вызван дефицит в государственной торговле? Нехваткой продуктов? Смотря каких.

История советского сельского хозяйства представляется либеральным публицистам как перманентный кризис, обусловленный социалистической моделью индустриализации. Предположим. Но что такое кризис? С точки зрения Е. Гайдара, живописующего беспросветное кризисное развитие советского сельского хозяйства, в царской России конца XIX — начале XX вв. аграрного кризиса не было (это при нескольких голодовках и крестьянских восстаниях 1902–1907 гг.). Почему либеральный идеолог не видит кризиса? Российская империя экспортировала зерно (напомним, что и СССР делал это даже во время голода 1932–1933 гг.). В России росла средняя по десятилетиям урожайность зерна*. Но в СССР урожайность росла до 1987 г.** Забыв о предложенном им критерии, Е. Гайдар говорит об аграрном кризисе в СССР как о постоянной данности. Но тогда нужно предложить какие — то другие критерии аграрного кризиса, не столь шадящие досоветскую и постсоветскую Россию. Аграрный кризис в СССР был, спору нет. Но это явление в СССР было не столь постоянным, и оно во второй половине XX в. не становилось причиной голодовки (что регулярно происходило в Российской империи). Колхозное (а фактически — государственное) индустриализованное сельское хозяйство обеспечило наращивание количественных показателей производства продуктов, что тоже было достижением по сравнению с Российской империей.

Средняя урожайность зерновых в 1970–1989 гг. выросла с 15,7 до 18,9 ц. с га. Для сравнения, в США этот рост составил 31,6–44,8 ц. с га. Впечатляющая разница. Но если сравнить советские показатели с канадскими, выясняется, что разрыв был не столь существенным (21,1–21,2)***. В США не такой климат, как в Канаде (и в СССР). И хотя в Канаде не было колхозов и других «безобразий социализма», СССР приближался к ней по уровню урожайности.

СССР импортировал зерно. Может быть, в этом заключается кризис? Е. Гайдар даже рисует страшную картину: мол, если бы СССР был изолированной от мира экономикой, плохо бы пришлось

* Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 149.

** Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 460.

*** Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 211.

населению. Стояло бы оно с карточками в очередях за хлебом*. Остается спросить — а если бы Великобритания была бы изолирована от мира — там бы лучше было? Вряд ли. Этот пример лишний раз доказывает, что проблемы СССР вытекали из особенностей индустриализма, а не недостатков социализма.

Не вполне верен и другой «хрестоматийный» факт — СССР импортировал зерно с 1963 г. Дело в том, что импортировал он его не постоянно. В 1967–1971 гг. у СССР было положительное saldo торговли зерном, причем даже в неблагоприятные годы СССР не тратил на это больше 5 млрд. долл. (в долларах 2000 г.). Нагрузка на бюджет была вполне терпимой. А после 1973 г., когда увеличились нефтяные доходы, советское руководство уже могло позволить себе безболезненно нарастить импорт. Когда цены на нефть упали в середине 80-х гг., упал и зерновой импорт**.

В 1976–1980 гг. импорт составил 9,9% от уровня сельскохозяйственного производства страны, в 1980 г. — 18,1%, в 1981–28,4%***.

<...>

В 1981–1985 гг. почти сравнялись показатели производства яиц на душу населения в СССР и США****. Зато по производству молока на душу населения СССР уже в конце 50 — х гг. обогнал США. В 1981–1985 гг. (а это пятилетие наихудших показателей сельского хозяйства в 70-е — 80-е гг.) СССР производил на 80 кг больше молока на душу, чем Америка*****. Но это не удовлетворяло потребности советского населения в той же мере, как американского — из — за потерь на пути от сельскохозяйственных предприятий до прилавков. В 1983 г. в СССР было произведено 16 миллионов тонн мяса, в то время как в США с их передовым сельским хозяйством — 27,8 миллионов тонн^{6*}. Суммарное производство зерна и картофеля в зерновом эквиваленте в СССР в 1981–1985 гг. составило более 200 миллионов тонн (в США — более 300 миллионов тонн)^{7*}. Это не может расцениваться как качественный отрыв, особенно если учесть различия в климате двух стран и в культуре потребления. «На протяжении ряда лет,

* Там же. С. 161.

** Там же. С. 173.

*** After Brezhnev. P. 162.

**** Совместное заседание... С. 13.

***** Там же. С. 11.

^{6*} СССР в цифрах в 1983 г. Краткий статистический сборник. М., 1984. С. 64–65.

^{7*} Совместное заседание... С. 6.

по официальным данным, мы производили на душу населения около 750 кг зерна. Примерно столько же, сколько Франция»*, — с гордостью пишет М. Горбачев. Европа отставала от СССР по производству зерна на душу населения**.

Но как только продукт оценивался с точки зрения его качества (то же мясо, одежда или бытовая техника), выяснялось, что плановая экономика не в состоянии производить большое количество продуктов высокого качества. В этом и заключался кризис: справляясь с количеством, советская экономика проигрывала битву за качество.

<...>

Но если в «странах капитала» было выше социальное расслоение, то в СССР при относительно низком социальном расслоении существовали сильные региональные различия в снабжении, которые раздражали население «провинции» и настраивали его против Москвы и против «центра» вообще. «Реальный социализм» не мог обеспечить московский уровень жизни даже в крупнейших городах.

Несмотря на то, что продовольственная проблема (в понимании стран «Третьего мира», то есть большинства стран) была в СССР решена, и голод ему не угрожал, продовольственный дефицит оставался важнейшей проблемой, раздражавшей население.

Почти всегда советскому человеку были доступны хлебобродукты, крупы, овощные и рыбные консервы, молоко, хотя и в поставках этих продуктов были перебои. Доходило даже до перебоев в поставках хлеба. В сентябре 1978 г. в Йошкар-Оле, например, дошло до образования очередей за хлебом, в которые нужно было вставать с вечера, как в войну***. Чаше происходили перебои с хлебом в селах, что возможно только при сверхиндустриальной производственной системе, когда производитель хлеба отчужден от результатов своего труда. В январе 1979 г. в «Правду» пришло 16 писем о таких перебоях****. Однако, такие случаи все же считались чрезвычайными происшествиями. Затратив несколько больше усилий, советский человек запасался мясом, мясopодуктами, сыром, рыбой.

<...>

Снабжение Москвы, Ленинграда, Киева и ряда других городов было лучше. Эти города были центрами, откуда мясо, колбаса

* Горбачев М. С. Указ. соч. С. 183.

** Совместное заседание... С. 14.

*** РГАНИ. Ф. 5. Оп. 75. Д. 246. Л. 35.

**** Там же. Оп. 76. Д. 213. Л. 4.

и т. д. развозились по стране «продуктовыми экскурсиями», своеобразной реинкарнацией мешочничества. Такой противозестественный способ компенсировать разницу снабжения разных регионов был частным случаем все того же распределения, которое шло по выстроенным в обществе нерыночным каналам.

Граждане с большим интересом следили за продовольственной «политикой партии». Когда в апреле 1979 г. Брежнев заявил о намерении удвоить производство мяса, в «Правду» немедленно пришел 43 письма с вопросом: «За счет каких ресурсов?»*

Потребности людей постоянно растут по мере расширения кругозора большинства населения, и люди все чаще сталкивались с невозможностью воплотить в жизнь свои маленькие планы, в то время, как им сообщали о выполнении планов системы в целом. Это неизбежно усиливало психологическое противоречие между человеком и системой. Все эти маленькие бытовые противоречия постепенно накапливались, суммировались — и вот уже в обществе росло недовольство большинства, все отчетливее формулируемое в негативный лозунг: «Так жить нельзя».

Причина недовольства населения заключалась в недостатке качественной продукции, качества жизни. Рост валовых показателей сам по себе его не улучшает. *Кризис был вызван не столько затуханием роста производства, сколько переходом количественных запросов населения в качественные. Неспособность вертикальных каналов управления и распределения справиться с этой проблемой вел к росту горизонтальных, часто теневых связей, откачивавших на себя ресурсы.* <...>

Противоречия в правящем классе

Господствующим классом СССР была бюрократия. Впрочем, если вам претит классовый подход, ее можно назвать властной элитой, а точнее — кастой**. Бюрократия по своей природе обладает рядом имманентно присущих ей черт: неповоротливостью, накоплением некомпетентности, косностью, информационной закрытостью, стремление к постоянному количественному росту своих рядов***. В СССР, где бюрократия стала монопольным правящим классом, ее черты проявились в полную силу. Это стало волновать и самих лидеров бюрократического класса, которые несли ответственность за его будущее и будущее всей страны.

* Там же. Л. 172.

** См.: Шубин А. В. Социализм. «Золотой век» теории.

*** Подробнее см.: Шубин А. В. Гармония истории. М., 1992. С. 126–136.

Брежнев говорил на Политбюро в сентябре 1981 г.: «Ведь вы помните, что XXVI съезд партии указал на необходимость улучшать работу аппарата управления, сокращать расходы на его содержание, решительно устранять излишние и дублирующие звенья. Что же у нас происходит на деле?»

В десятой пятилетке имел место неоправданный, по существу неуправляемый, рост численности работников аппарата управления. В результате аппарат вырос на два миллиона двести тысяч человек, или на 14,2 процента. В то же время общая численность работающих увеличилась только на 9,8 процента.

Таким образом, темпы прироста численности управленческого персонала почти в полтора раза превысили темпы прироста общего числа рабочих и служащих. В результате удельный вес этого персонала вырос с 14,5 процента в 1975 году до 15 процентов в 1980 году и достиг 17 миллионов человек.

Если такая тенденция сохранится, численность работников аппарата управления к 1985 году достигнет девятнадцати с лишним миллионов человек, то есть увеличится на два с половиной миллиона человек. Тогда как прирост общей численности рабочих и служащих, по расчетам Госплана СССР, составит 5,7 миллиона человек.

За годы десятой пятилетки расходы на содержание аппарата управления увеличились на 30 процентов и составили в 1980 году более 32 миллиардов рублей, или 7 процентов национального дохода.

Совет Министров СССР принял решение по ограничению роста и сокращению численности работников аппарата управления в некоторых отраслях народного хозяйства. Однако эти меры не направлены непосредственно на сокращение центрального аппарата министерств и ведомств СССР и союзных республик.

В результате этого за истекшие годы общая численность центрального аппарата министерств и ведомств СССР увеличилась на пять тысяч двести человек, а расходы государства на его содержание только за последнее пятилетие увеличились более чем на 24 процента и составили в 1980 году более 330 миллионов рублей. Увеличение численности аппарата министерств и ведомств СССР сопровождается, как правило, ростом начальствующего состава. Так, например, из общего прироста численности центрального аппарата министерств и ведомств СССР одна треть приходится на начальников управлений и самостоятельных отделов и их заместителей».*

* Брежнев Л. И. С. 186.

Центральная олигархия партии — государства пыталась сдерживать рост численности класса, который возглавляла. Но ее лидеры не знали, как решить эту задачу. Ведь в «росте рядов» были заинтересованы сами исполнители высочайших решений. Каждый начальник был заинтересован в росте числа своих подчиненных. А в условиях резкого снижения вертикальной мобильности при Брежневе аппарат мог расти только вширь. Поскольку все стоявшие перед обществом проблемы так или иначе должны были разрешаться через бюрократию, то усложнение общества также создавало объективную необходимость в росте численности чиновников.

При Брежневе обновление кадров протекало крайне медленно. Ориентация бюрократии на покой и равновесие, полностью соответствовавшая политике осторожного Брежнева, привела к тому, что обновление кадров происходило лишь по мере дряхления и умирания вышестоящих чиновников. Такое положение подрывало основной принцип бюрократической иерархии — принцип карьеры, который гарантировал бюрократу со временем продвижение по службе³. «Застой» вертикальной мобильности парализовывал и другие механизмы бюрократического общества. Без карьерного стимула чиновники и директора не только теряли желание развивать порученное им дело, но и все больше раздражались отсутствием перемен. *Накопление недовольства против стариков, занимавших вышестоящие посты и не дававших дорогу следующей генерации номенклатуры, становилось мощной бомбой, заложенной под режим брежневского равновесия.*

Противоречия в правящей элите имели и важную социально — экономическую подкладку — порядок доступа к собственности и власти. Стремление директората и нижних этажей бюрократии к независимости от вышестоящих инстанций было обратной стороной стремления чиновников преодолеть личное отчуждение от собственности. Народное хозяйство страны находилось в коллективном распоряжении правящего класса, но не принадлежало никому конкретно, не давало возможности «полноправно» пользоваться плодами «своей» части хозяйства. Получение номенклатурных привилегий и благ регламентировалось множеством иерархических правил, и значительная часть чиновников считала, что получает свою долю не в соответствии с собственными талантами. Официально на содержание органов власти и управления в первой половине 80-х гг. уходила относительно скромная сумма в 3 миллиарда рублей, то есть менее процента расходов бюджета*.

* Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 16.

Перспектива карьеры еще давала надежду дожидаться своего времени, когда доля привилегий будет значительно выше средней. Но карьерная стагнация брежневского времени подрывала эти надежды и заставляла задуматься о возможности приобщиться к плодам «своего» участка экономики уже сейчас, использовать монопольную власть в личных целях. «Помимо вульгарной взятки, подношений и подарков существовали и более “тонкие” — взаимная поддержка и мелкие личные услуги различного свойства, совместные пьянки под видом охоты или рыбалки»*, — со знанием дела пишет М. Горбачев. Кадровая стагнация способствовала сращиванию бюрократии с определенными участками экономики, которые тот или иной чиновник контролировал в течении многих лет. Такое положение способствовало развитию коррупции.

Но в то же время отсутствие легальной частной собственности ограничивали возможности вложения украденных средств (синдром миллионера Корейко), что ограничивало масштабы коррупции — во всяком случае в сравнении с нынешними. Подаренные халаты, тысячи рублей, золотые украшения. Сейчас, когда украденные средства можно вложить в украденные же предприятия, эти масштабы советской коррупции вызывают разве что грустную улыбку.

Возможности, открывавшиеся перед взяточниками, еще не доказывают распространенной версии о том, что взяточниками были чуть ли не все без исключения чиновники. В системе принятия решений были люди, по — разному относившиеся к мзде, и вокруг них складывались кланы, в которых подношения также были приняты в большей или меньшей (вплоть до нуля) степени. Психологический слой элиты, тяготевший к нулю, можно условно называть «пуританами». Поддерживая идею «очищения» социализма от наслоений коррупции и «мещанской мелкобуржуазности», «пуритане» категорически отрицали отход от каких бы то ни было официально провозглашенных принципов системы. Другой круг чиновников, которых условно можно назвать «консерваторами», действовал по принципу «живешь сам — давай жить другим». Поскольку «консерваторы» могли проводить такую политику в существующих условиях, то они и противодействовали переменам как могли. Третий психологический слой элиты — «реформисты» — был готов пересматривать «принципы социализма». Он смыкался с «консерваторами» в своем прагматизме, а с «пуританами» — в стремлении к частичным переменам. За каждым из этих слоев

* Горбачев М. Жизнь и реформы. Т. 1. М., 1996. С. 186.

стояли особые социальные интересы. «Пуритане» стремились сохранить за бюрократией ее коллективную собственность — государственное хозяйство. «Консерваторы» снимали «рентные платежи» со своих участков этой собственности, реализуя стремление номенклатуры к слиянию с собственностью. «Реформисты» наиболее полно выражали стремление правящей элиты к преодолению отчуждения от собственности, но в силу сложившихся условий и опасности реформирования системы вынуждены были камуфлировать свои, путь еще смутные, планы под осторожный реформизм «пуритан» и прагматическую лояльность «консерваторов». Это усложняло и запутывало социальную расстановку в правящем слое, приводило к замысловатому переплетению интересов и группировок, которое к тому же накладывалось на противоречия чиновников, ориентированных на отраслевые («ведомственность») и территориальные («местничеством») интересы.

Широкие возможности партийного аппарата и директорского корпуса, получившего некоторую автономию после реформы 1965 г., вступали в противоречие с полномочиями ведомств. Доминирование отраслевых структур вызывало недовольство у тех слоев элиты, которая была организована по территориальному принципу, то есть у среднего партийного звена включая руководство значительной части обкомов. Все эти экономические противоречия лежали в основе формирования социально — политических коалиций — «ведомственной» и «местнической». К поддержке последней постепенно стали склоняться все более широкие слои директората, недовольного «диктатом» министерств при распределении ресурсов. Впервые с середины 60-х гг. противоречия директоров крупных предприятий со своими министерствами накапливались быстрее, чем с областным руководством.

Начиная с конца 70-х гг. в правящей элите стали усиливаться «местнические» тенденции. Региональные элиты и их лоббисты в центральных органах все в большей степени заручались поддержкой не только аграрной элиты, традиционно служившей преобладающим кадровым источником для областных руководителей, но и директорского корпуса промышленных предприятий.

Эти противоречия уже открыто проявлялись на областных и республиканских партийных конференциях, которые давно не были чисто парадными мероприятиями. Хозяйственные и партийные руководители критиковали здесь хозяйственные органы за слишком большие планы и слишком скупое выделение ресурсов, за отсутствие средств на социальную инфраструктуру.

ру (что вызывало проблемы с привлечением рабочей силы), за «канцелярско — бюрократический стиль работы»*.

Коллегиальные органы играли важную роль как место встречи заинтересованных сторон. Кулуары пленумов и сессий играли в СССР не меньшую роль, чем парламентские и партийные кулуары в других странах мира. Общение начиналось уже в преддверии заседания. «Провинциальная элита уже вся здесь. И все как обычно: целовались в засос, громко, через ряды приветствовали друг друга, делились “новостями”: о снеге, о видах на урожай, словом, шел партийный толк между своими, чувствующими себя хозяевами жизни»**, — вспоминает об одном из пленумов ЦК А. Черняев. Здесь «хозяева жизни» могли предварительно согласовать решения, представляющий «взаимный интерес».

Центрами окончательного согласования интересов ведомств и функциональных ниш были высшие органы партийной и государственной власти — Политбюро и Секретариат Центрального комитета, Верховный совет, Совет министров и их «подразделения». Реальные решения «готовили» нижестоящие чиновники, согласовывали их с заинтересованными слоями бюрократии. Часто эти решения инициировали снизу — с уровня предприятий, местных партийных комитетов и советов. В центре считалось важным подкрепить проект «записками» региональных и отраслевых организаций в поддержку решения. Даже если поток таких «записок» инициировался снизу, он отражал мнение соответствующего слоя правящей элиты.

Таким образом, хотя советское государство и сохраняло авторитарный характер, в нем выработался механизм обратной связи, который делал систему внутренне устойчивой.

Национальные конфликты

Нарастание местнических тенденций в правящем классе опасно накладывалось на межэтническую напряженность в СССР***.

Основными полюсами этнических противоречий в 70–80-е гг. были:

- русскоязычное — коренное население;
- русские — «южане» (позднее — «лица кавказской национальности») в славянских республиках;

* РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 76. Д. 102. ЛЛ. 7–8, 128, 135–136.

** Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. По дневниковым записям. М., 1993. С. 11.

*** Подробнее об этно — демографических процессах в СССР в 70–80-е гг. см.: Шубин А. В. От «застоя» к реформам. С. 134–146.

— «титульная нация» — остальные народы (при этом следует учитывать, что «титульные» нации были еще и в автономных республиках, входивших в союзные, что порождало новое поле напряженности).

Межнациональные противоречия, нараставшие вопреки официальным заклинаниям о решенности национального вопроса в СССР прорывались даже во время санкционированных властью обсуждений.

<...>

Однако уже при Брежневе национальные конфликты стали выливаться в массовые волнения. В 1978 г. в рамках конституционного строительства, последовавшего за принятием Конституции СССР 1977 г. было объявлено о предстоящем изменении Конституции Грузии. Руководители республики в согласии с Москвой решили отменить государственный статус грузинского языка. Это должно было укрепить позиции русского языка и, как казалось, снять трения с национальными меньшинствами Грузии, имевшими свои автономии. Новая конституция не упоминала о государственном статусе грузинского языка: «Грузинская ССР обеспечивает свободное употребление грузинского, а также русского, абхазского, осетинского и других языков большинства населения в данной местности»*, гласила ст. 73. Накануне принятия Конституции по поручению ЦК КПГ его заведомо С. Хабеишвили обратился в ЦК КПСС с просьбой включить в текст Конституции дополнение, разъясняющее новацию: «Проявляя государственную заботу о развитии родного языка и изучению русского языка, как средства межнационального общения, Грузинская ССР какие — либо языковые привилегии или ограничения не допускает». «Предлагаемая нами формулировка, — комментировал Хабеишвили, — поможет партийным организациям вести пропаганду 73-й статьи так, чтобы помочь всем гражданам республики в правильном понимании того, почему отпадает необходимость государственного языка»**. Просьба «грузинских товарищей» была удовлетворена, но жители Тбилиси все равно не поняли нововведение «правильно».

По инициативе студентов университета в день обсуждения конституции в Верховном совете многотысячная демонстрация пришла в центр Тбилиси. Под ее давлением депутаты были вынуждены оставить статью о языке без изменений***. <...>

* Там же. Д. 153, Л. 6, 25.

** Там же. Л. 2.

*** *Алексеева Л.* История инакомыслия в России. М., 1992. С. 84–85.

В 1981 г. произошла также так называемая «октябрьская революция» 24–26 октября в Орджоникидзе, когда убийство шофера — осетина вызвало массовые волнения осетин. <...>

Начавшись как антиингушские, эти волнения, в которых приняло участие около 4500 человек, быстро переросли в выступление против власти. Решающую роль в политизации движения играли студенты. Волнения в Орджоникидзе были подавлены с помощью войск, но без применения огнестрельного оружия. Было осуждено 26 человек*.

Характерно, что при подавлении массовых волнений в 70-е — начале 80-х гг. власти обходились без применения огнестрельного оружия — в отличие от 50–60-х гг. В этом также заключалась важная характеристика брежневского стиля правления.

<...>

Апогеем брежневского равновесия стало принятие новой Конституции СССР 7 октября 1977 г. Новый основной закон должен был подчеркнуть этапность достигнутых при Брежневе успехов. Фасад новой Конституции был призван подчеркнуть завершенность эпохи «борьбы» и возникновение «общенародного государства» (вызывающе антимарксистский тезис) как надстройки над «реальным социализмом» (промежуточная станция, призванная заменить отодвигавшийся в неведомые дали коммунизм).

Партийные юристы понимали, что строят фасад, идеальную конструкцию, во многом рассчитанную на импорт. Отсюда — последовательный демократизм многоступенчатой парламентской системы, ответственное правительство, тщательное перечисление гражданских и социальных прав.

<...>

Обсуждение Конституции показывает, насколько многообразным по взглядам и интересам было советское общество, насколько далеко оно было от застывшего монолита, которым его иногда изображают, насколько советские люди стремились к переменам, совершенствующим (а не разрушающим) систему «реального социализма».

Живое общество

С середины 50-х гг. советское общество становилось все более многообразным и в социальном, и в идейном отношении. Но раз-

* Подробнее см.: *Шараев Ю.* О трагических событиях в Орджоникидзе. М., 1990; «О массовых беспорядках с 1957 года...» // *Источник.* 1995. № 6. С. 151.

ные социальные слои, идейные течения и структуры развивались в «тени», самостоятельно друг от друга. В отсутствие гражданского общества горизонтальные равноправные связи строились по закрытым каналам. На многочисленных кухнях люди втихую обменивались со знакомыми дефицитной колбасой, сплетнями, самиздатом.

Советская социальная структура включала в себя характерные для индустриального общества социальные классы: рабочие и примыкающие к ним полупролетарские слои (прежде всего колхозное крестьянство), относительно небольшие маргинальные слои (с одной стороны — бомжи, «жалобщики» — советские безработные, с другой — теневые предприниматели), обширный средний класс — интеллигенция и служащие; менеджерские слои (прежде всего хозяйственный директорат), правящая бюрократия (партийно-государственная номенклатура). По мере развития социальной системы СССР росли противоречия между этими слоями. Рабочие и интеллигенция стремились к росту уровня и качества жизни, приближающегося к уровню жизни правящего класса (тем более, что социальное равноправие было декларировано официальной идеологией). Всеобщее возмущение вызывали номенклатурные привилегии, неэффективность работы бюрократического аппарата, произвол и безответственность чиновников, коррупция. В то же время основные социальные слои привыкли к преимуществам развитого социального государства — доступному образованию и медицинскому обеспечению, отсутствию заметного социального расслоения. Но практически все ставили вопрос о значительном увеличении качества обслуживания людей во всех сферах советского общества. Интеллигенция была готова вступить в борьбу с номенклатурой как за места в государственном аппарате, так и за свободный доступ к информации — основному ресурсу, необходимому интеллигенции, который пока контролировался номенклатурой. Многосторонние давления, которые разные социальные слои оказывали на правящий слой, усиливали противоречия внутри номенклатуры.

<...>

Социальная и идейная расстановка в советской элите и средних слоях накладывалась на поколенческую. В 50–80-е гг. в недрах слоя специалистов — интеллигентов и служащих (в условиях СССР — среднего слоя) формировались зачатки гражданского общества — системы горизонтальных, независимых от государства общественных связей. Однако пока это были изолированные друг от друга круги неформального общения, связанные с музыкальной культурой (клубы самодеятельной песни и рок-движение),

литературными пристрастиями (клубы любителей фантастики), хобби, семейными и дружескими узами, и лишь иногда — с общественной активностью. Крупнейшими общественными движениями того периода были культурно-экологическое (дружину охраны природы, актив Всероссийских обществ охраны природы и памятников истории и культуры), педагогическое (коммунары, педагоги — новаторы) и правозащитное (диссиденты). Только последнее носило открыто оппозиционный характер*.

<...> Все более очевидная пропасть между официально провозглашаемыми ценностями и реальностью заставляла молодежь искать собственные идеалы, далекие от тех, которые навязывались системой скучного, далекого от творческой практики «коммунистического воспитания». <...>

В конце 70-х гг. в условиях исчерпания старых возможностей развития администрация постепенно «закручивала гайки», пытаясь поставить трудовые коллективы под свой контроль, навязать ему менее выгодные условия труда. Это приводило ко все большему количеству конфликтов: *«Увеличилось количество писем о трудовых конфликтах, — писал в сводке для ЦК заместитель редактора «Литературной газеты» В. Сырокомский. — Читатели сообщают факты увольнения и преследования работников за критику. Часто от «жалобщика» пытаются избавиться любыми способами, начиная от незаслуженных выговоров и вплоть до организации товарищеского суда. Авторы писем обращают внимание на то, что некоторые руководители, чувствуя себя в роли «удельных князей», заводят свои собственные порядки, окружают себя «верными» людьми и творят свой суд и расправу над неугодными»***. Стремление директората к самостоятельности, укреплению контроля за «своими» предприятиями, реализовывалось не только за счет вышестоящих бюрократических структур, но и за счет любителей «качать права» на производстве. Для «рабочей оппозиции» наступали тяжелые времена.

<...>

Впервые с начала 60-х гг. в 1979–1980 гг. возросла забастовочная активность***. Вскоре этот факт признали и государственные органы (конечно, секретно): *«В 1980 г. участились случаи грубого нарушения на отдельных предприятиях трудовой дисциплины, которые выражались в самовольном оставлении работы с целью*

* См. там же. С. 423–580.

** Там же. Л. 235.

*** Солидарность. О рабочем движении в Польше и о рабочем движении в России. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 158–162.

решения таким образом возникших трудовых конфликтов», — говорилось в записке Госкомтруда в ЦК*. <...>

В большинстве случаев производственные конфликты удавалось быстро прекращать путем переговоров между лидерами и работниками разветвленной социальной инфраструктуры предприятия (партком, профком и др.).

<...>

Социальная стабильность поддерживалась и корпоративной социальной — психологической традицией, доставшейся российской индустриальной цивилизации в наследство от общинной культуры России и коллективистской коммунистической идеологии.

Голос трудовых коллективов звучал и при обсуждении проекта Конституции.

Поступали предложения о гарантированном уровне цен, об увеличении отпуска рабочих с 15 до 24 дней, о предоставлении отпуска за дополнительную работу, о дополнительном вознаграждении за стаж, о запрещении труда женщин на тяжелых работах, предоставление пенсий многодетным домохозяйкам, вытеснение ручного труда, в первую очередь — женского и др.** Инженер И. Кукушкина предлагала внести норму об отпуске по воспитанию детей в три года***. В Конституцию эта норма попасть, конечно, не могла, но со временем она попала в закон. Советское «социальное государство» было заинтересовано в стимулировании рождаемости — роста будущей рабочей силы. Активность «женского лобби» вообще была высока всего только за декаду было предложено 345 конкретных предложений по социальным льготам для женщин****.

Токарь И. Вислоушкин предложил конституционно закрепить персональную ответственность первых руководителей предприятий «за создание в коллективах надлежащих производственных и культурно — бытовых условий»***** (118 аналогичных предложений за декаду)^{6*}. Некоторые менеджеры, в свою очередь, требовали ввести статью «об ответственности работников за выпуск некачественной продукции»^{7*}. <...>

* РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 18. Л. 2.

** Например, РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 90. Л. 8; Д. 91. Л. 4; Д. 92. Л. 57; Д. 93. Л. 6; Д. 101. Л. 72; Д. 102. Л. 57; Д. 103. Л. 147.

*** Там же. Д. 95. Л. 89.

**** Там же. Д. 139. Л. 95–100.

***** Там же. Д. 92. Л. 143.

^{6*} Там же. Д. 139. Л. 60.

^{7*} Там же. Д. 105. Л. 60.

В стране продолжали сохраняться серьезные территориальные различия, пронизывавшие не только элиту, но и массу рабочего класса, составлявшего 61% населения. В выигрышном положении оказывались рабочие Москвы, Ленинграда, некоторых столиц «союзных республик». Здесь существовали преимущественные условия снабжения, доступа к культурной инфраструктуре. Усвоив уроки революции, власти внимательно следили за снабжением этих городов. Остальная масса пролетариата была скучена в индустриальных центрах, где условия жизни были гораздо хуже. Географическое разделение населения обеспечивалось системой прописки — ограничения права изменения места жительства. Прописка обосновывалась экономически — для получения дешевого жилья необходимо было принадлежать к числу жителей данной местности, а войти в число этих жителей можно было только имея постоянное жилье. Так дешевизна социальных услуг влекла за собой прикрепление населения к местности. Впрочем, с 60-х гг. это не было уже «крепостное право». Договорившись о новом месте работы, человек часто получал и ведомственное жилье, а затем улучшал жилищные условия на новом месте.

«Жилищный вопрос» был одной из основных социальных проблем СССР еще со времен сформированной индустриализации и живо дискутировался, в том числе и на партсобраниях. Во время обсуждения проекта Конституции 1977 г. рядовые коммунисты требовали более справедливого распределения жилья, и даже при участии «общественного контроля»*. <...>

Стремление провинциалов войти в привилегированное сословие столичных жителей, получить московскую или ленинградскую прописку, привело к возникновению явления «лимитчиков», то есть социального слоя рабочих, нанимаемых в столицы на невыгодных условиях, но с перспективой получения московской прописки. Ради нее «лимитчики»⁴ готовы были временно работать и жить в гораздо более тяжелых условиях, чем большинство рабочих СССР. «Лимит» (возможность ограниченного ввоза рабочей силы в Москву) давал администрации предприятий возможность обходиться без рационализации производства и приводил к постоянному разрастанию столиц, усиливал в них социальную напряженность. Пытаясь смягчить проблему «лимита», администрация широко применяла на тяжелых работах также иностранную рабочую силу (прежде всего из «братского» Вьетнама, нищее население которого также было готово трудиться в любых условиях), солдат, заключенных «лечебно — трудовых профилакториев», куда по-

* Например, РГАНИ. Ф. 5. Оп. 73. Д. 105. Л. 21.

падали алкоголики. Эти слои рабочей силы, привлекаемые к труду внеэкономическими методами, находились еще в относительно выгодном положении по сравнению с заключенными тюрем и лагерей, труд которых широко использовался в провинции. Правда, эффективность этого труда была совсем низкой.

Социальная структура СССР была относительно прочна в силу того, что внутри каждой страты имущественные различия нивелировались. Так, несмотря на то, что дифференциация труда рабочих в зависимости от квалификации оценивалась социологами как десятикратная, оплата труда рабочего на одном производстве как правило различалась не более, чем в два раза*. При этом существовала большая разница в оплате и обеспечении социальной инфраструктуры работников различных предприятий. Наиболее квалифицированная рабочая сила концентрировалась в так называемых «ящиках» — закрытых предприятиях, связанных с военно — промышленным комплексом (но обеспечивавших не только военные нужды). За лучшие условия труда и быта рабочий вынужден был расплачиваться меньшей степенью свободы в смене рабочего места и часто более интенсивным трудом.

Интенсивность труда большинства рабочих была не очень велика. Но важной проблемой оставалась неритмичность работы. По данным Госкомтруда с 1975 по 1980 г. количество простоев выросло с 0,36 человеко-дня до 0,42 человеко — дня на одного рабочего в год. «Для обеспечения выполнения плана в конце месяца рабочие привлекаются к массовым сверхурочным работам, работам в выходные дни, зачастую в нарушение трудового законодательства», — жаловался Госкомтруд в ЦК**.

Со времен модернизационных рывков 30-х и 50–60-х гг. СССР унаследовал низкий уровень безработицы. Официально ее и вовсе не было, тунеядство преследовалось по закону, так что любой человек мог требовать от государства трудоустроить его по специальности. Уволить работника было крайне сложно, и директора предпочитали компенсировать нерадивость части персонала наймом дополнительной рабочей силы (также — как придерживать ресурсы в запас). Так что в условиях экстенсивного развития возник дефицит рабочей силы.

<...>

Относительная защищенность человека на производстве контрастировала с его незащищенностью перед лицом бюрократии

* Гордон Л. А., Комаровский В. В., Назимова А. К. Перестройка советской экономики и рабочий класс. М., 1988. С. 40.

** РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 18. Л. 2.

по месту жительства. Социолог О. Яницкий пишет об этом: "На заводе, в любом учреждении работник все же социально защищен. При всем несовершенстве нашего трудового законодательства он — член трудового коллектива, КПСС, профсоюза, многочисленных трудовых организаций. А в микрорайоне, заводском поселке, общежитии он бесправен и безгласен, постоянно слышит «нельзя», «не предусмотрено», «зайдите завтра»*. <...>

Конечно, это было результатом общих закономерностей развития индустриализма, которые проявляются и на Западе, и на Востоке. Но здесь было одно существенное различие — в большинстве западных стран общинность, корпоративность общества сильнее сохранилась по месту жительства, чем на производстве. Это, помимо всего прочего, обеспечило большую защищенность человека именно как потребителя, как жителя. Это позволило быстрее, чем в СССР, сформироваться современному гражданскому обществу, опирающемуся на сильное территориальное самоуправление. В СССР коммунистический «большой скачок» разрушил территориальное самоуправление и перенес корпоративные структуры на производство. В итоге — большая защищенность на производстве (по некоторым параметрам — выше, чем в большинстве стран Запада) и беспомощность по месту жительства, а точнее — по месту жизни вне производства. В 80-е гг. это вызовет мощное движение за территориальное самоуправление и возрождение демократии советов.

* Яницкий О. Н. Социальные движения. 100 интервью с лидерами. М., 1991. С. 72–73.